

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

УДК 930.1

ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЙ ИНСТРУМЕНТАРИЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

М.С. БОБКОВА*Институт всеобщей истории
РАН**e-mail: bobkova_marina@list.ru*

На основе краткого анализа современного состояния исторической науки ставится вопрос о ее понятийном и категориальном аппарате. В статье делается попытка выявления основных критериев «понятийности, терминологичности» в историческом знании, а также выдвигаются некоторые идеи о характере современных научных понятий исторической науки. Особое внимание уделено понятию «историописание» и его соотношению с общепринятым в профессиональных кругах словом историография.

Ключевые слова: исторический термин, понятия исторической науки, профессиональная коммуникация, носитель информации, историография, историописание.

Тема взаимосвязи исторического термина, понятия истории, предмета и задач исторической науки заявляется нами как исследовательская, и в этом кратком обзоре мы постараемся объяснить ее актуальность и наметить самые общие подходы к ее рассмотрению. Проблема формирования и использования терминологического инструментария исторической науки, в основе которого лежит понятие, самым тесным образом связана с ее становлением как дисциплины и осмыслением предмета ее исследований. «Одной из особенностей общества как предмета научных исследований является целостность взаимодействий и противодействий факторов различной природы... неясности теоретического мышления об обществе и его истории, так и неясности суждений, выражающих общественное мнение, в значительной мере зависят от того, что в этих сферах мы имеем мышление, выраженное с помощью идей, а не понятий»¹.

¹ Финн В.К. Интеллектуальные системы и общества. М., 2001. С. 273-274.

Специфические свойства понятия, зафиксированного в термине, определяют и то, что оно должно выступать в качестве медиатора в процессе профессионально-научной коммуникации. Даже в рамках собственно исторического профессионального сообщества, неупорядоченность терминологии, разноречивые споры между представителями разных школ и направлений, а также – от досадных до комичных недоразумений – между историками и обществом, являющимся непосредственным «потребителем» производимого учеными продукта – научных монографий, статей, учебников, исторической публицистики, справочной литературы, исторической масс-медиа продукции и пр. Кроме того, отметим, что сегодня особенно актуальным представляется изучение понятия в роли «носителя информации» о той деятельности, которая непосредственно связана с формированием, хранением и передачей специальных знаний. Научный язык является такой же частью реальности, как и объекты действительности, изучаемые наукой².

Проблема усугубляется и тем состоянием собственно исторической науки в настоящее время, которое связано и со сменой познавательных парадигм, и с информатизацией общества³, и с другими не менее важными факторами, перечислять которые здесь не имеет особого смысла. Хотя, одного из них мы все-таки коснемся более подробно, а именно процесса диверсификации в сфере гуманитарного знания. Активное развитие «смежных» с историей дисциплин (например, культурологии, политологии и пр.), связанное с их самоопределением и поиском исследовательских полей, с одной стороны, а с другой – все усиливающаяся междисциплинарная составляющая исторического знания, безусловно, повлияли на размывание границ предмета истории, или даже привели к его переосмыслению, его содержательной переактуализации. Кроме того, накопление нового аналитического материала по исследованию исторических источников, попытки оценить его в контексте теории синхронной истории, ставят под вопрос содержание основополагающих понятий исторической науки и требуют его переосмысления⁴.

В истории исторического знания многие виднейшие ученые уделяли проблемам понятия, исторической терминологии самое пристальное внимание, поскольку только наличие ясной терминологии, выражающей те или иные сущности, конституирует научную дисциплину, науку. Мы будем недалеки от истины, утверждая, что осмысление языка историка, существует столько же сколько и сама историческая дисциплина.

«Делом и правом нашей науки, как и любой другой, должно быть исследование и определение понятий, с которыми она имеет дело. Если бы она позаимствовала бы их из результатов других наук, то ей бы пришлось бы покориться и подчиниться тем научным подходам, над которыми у нее нет контроля, возможно даже таким, которые, как ей очевидно, ставят под сомнение ее собственную самостоятельность и право; она, возможно, получила бы от них дефиницию понятия «наука», которая бы

² Ankersmit F.R. *The Use of Language in the Writing of History // Working with Language: A Multidisciplinary Consideration of Language Use in Work Contexts* / Ed. by Nywel Coleman. Berlin, 1989. P. 57-83.

³ Одна из важнейших черт современной информации, связанной напрямую с реконструкцией прошлого, отмечена Ф.Р. Анкерсмитом «При нашем современном способе говорить об информации намечается тенденция отодвигать на задний план действительность, которой касается эта информация. Реальностью теперь является сама информация, а не действительность, скрытая за ней. Это дает информации свои собственные автономность и реальность». / Анкерсмит Ф.Р. *Историография и постмодернизм // Современные методы преподавания Новейшей истории*. М., 1996. С. 143.

⁴ Один из самых ярких примеров в этом отношении – издание «Феодализм: понятие и реалии. Материалы круглого стола. Москва, 25 апреля 2005 г. М., 2008». В этом сборнике научных статей публикуются материалы круглого стола, проведенного в рамках семинара по исторической и культурной антропологии ИВИ РАН и Ассамблеи медиевистов 25 апреля 2005 г. при поддержке Отделения исторических и филологических наук РАН. В сборнике отражен весьма широкий спектр мнений и взглядов на проблемы феодализма, сложившихся в отечественной исторической науке, который свидетельствует о серьезных поисках содержательного определения тех процессов, которые переживал социум в период со второй половины V по XVII вв.

ей была не по нутру. Нашей науке придется подыскать для себя соответствующий ряд понятий по своему, т.е. эмпирическим путем. Она имеет право на это, поскольку ее метод есть прежде всего метод понимания, понимания и того, что есть у языка и словоупотребления в повседневном обиходе и что он предлагает ее эмпиризму»⁵. Вопрос об исторических понятиях, об их определении в период с XVI по XIX век постоянно возникает практически во всех сочинениях об истории⁶. Действительно, это период, когда история активно ищет и определяет средства выражения уже накопленных знаний о прошлом. С середины XIX до первой трети XX вв. языком истории были идеи, а с 30-х гг. XX в.⁷ начинается их переосмысление и формализация на уровне понятий и категорий⁸. Терминологический аппарат может быть лишь результатом реконструкции идей, преобразованных в понятия⁹. Рубеж XX и XXI вв. очевидно демонстрирует нам единство научного знания, что соответствующим образом влияет и на язык гуманитарной науки, и на формирование взаимоприемлемого общенаучного понимания структуры смысла.

На сегодняшний день, историческая наука обладает собственным уровнем теории¹⁰, т.е. уровнем категориального знания, соответствующим ее познавательным функциям и определяемым коллективным опытом осмысления прошлого. Природа исторического термина проистекает из предмета исследования и подвергается по мере его осмысления динамическим изменениям. В этом состоит одна из особенностей логики развития не только истории, но и всего гуманитарного научного знания.

Термин (от лат. *terminus* – предел, граница) – это слово или сочетание слов, точно обозначающее определенное понятие. В словарном составе языка различают два основных семантических типа слов: общеупотребительные слова и термины¹¹. Они находятся в постоянном и глубоком взаимодействии между собой в рамках пространственно-временного континуума. Научные термины органически связаны со всем словарным составом языка, как и наука со всей социо-культурной средой своего развития. Следовательно, смысловая природа терминов понятна лишь в связи с общеупотребительной лексикой языка. Таким образом, мы должны учитывать, что термины существуют не просто в языке, а в составе определенной терминологии. Если в общем языке (вне данной терминологии) слово может быть многозначным, то, попадая в определенную терминологию, оно должно приобретать однозначность, потому что понятие не нуждается в контексте, как обычное слово. Термины разной природы и разных сфер употребления объединяет то, что они известны в пределах профессиональной области, известны кругу специалистов (так они подпадают под определение и специальной и профессиональной лексики). Ко всякому термину следует подходить не как к обособленной смысловой единице, стоящей вне всякой связи с окружающими его словами, а как к слову, за которым закреплено определенное техническое значение, но которое может изменить свое содержание в зависимости от той отрасли, где этот термин применен.

Здесь необходимо сказать еще об одной сложности, с которой мы сталкиваемся. Понятия, используемые историком, довольно часто выходят за пределы чисто профессиональной деятельности и активно существуют в политическом, социальном, культурном контекстах. А это приводит к слиянию терминологического слова с лексикой общего языка и, в конце концов, к изменению смыслов.

⁵ Дройзен И.Г. Историка. М., 2004. С. 549–550.

⁶ Goodman N. *Ways of Worldmaking*. Hassocks, 1978.

⁷ Danto A.C. *The Transfiguration of the Commonplace: A Philosophy of Art*. Cambridge, 1983. P. 189; Hutton P.H. *History as an Art of Memory*. Hanover; L., 1993.

⁸ Smith P. *The Place of History among the Sciences // Essays in Intellectual History: Dedicated to James Harvey Robinson by His Former Students*. N.Y., 1929. P. 213–227.

⁹ Финн В.К. Указ. соч. С. 274.

¹⁰ Вопрос о качестве этого уровня в отечественной науке сложная и многоплановая тема отдельного исследования.

¹¹ Реформатский А.А. Введение в языковедение. М., 2005. С. 115–126.

Понятие, используемое для определения (а не интерпретаций) содержания, должно быть точным, адекватным и однозначным (наличие «свободного места» для термина, обозначающего понятие). Многозначность, используемых сегодня историками терминов, приводит или к непониманию их содержания, путанице: одним и тем же словом-термином обозначаются совершенно разные понятия; или к тому, что в каждом отдельном случае понятие надо определять, но тогда оно перестает быть понятием и его использование теряет всякий смысл.

Нам бы хотелось отметить и еще одно важное качество, связанное с заимствованием терминологии из других языков. Очень часто использование прямого перевода (языковой «кальки») приводит к искажению смысла понятия. Мне известны сетования коллег по поводу «птичьего языка», используемого отечественными историками в современной научной литературе. А ведь международность понятия, общность терминологии, даже при разном фонетическом и грамматическом оформлении терминов в каждом отдельном языке, является важнейшей предпосылкой понимания сути дела.

С учетом всего выше сказанного и определяя область своих профессиональных занятий, как история исторического знания, мы решили проанализировать общепринятое в профессиональной среде понятие «историография» и выяснить, насколько оно соответствует содержанию изучения дисциплинарной истории на современном этапе.

В ходе обсуждения проблемы преподавания историографических курсов на исторических факультетах вузов, мы выяснили, что преподаватели вкладывают совершенно разное содержание в термин «историография». И это не удивительно. Общеизвестно, что термин «историография» обладает опасной двусмысленностью и может означать или искусство написания истории (традиция, идущая от Луи Николя Бешерея, Иоахима Лелевеля, Иосифа-Казимира Плебанского), или литературу по истории (немецкая школа XIX в.). Значит, историки, которые изучают эту литературу по истории, занимаются историей историографии (так немцы разрабатывали свою *Geschichte der Historiographie*, а итальянцы – свою «*storia dell storiografia*»). Максимилиан Поль Эмиль Литтре в словаре 1877 г. определил термин «историография» как «литературную историю трудов по истории». И начиная с Литтре во Франции, например, для многих ученых историография – это задворки истории как науки, вспомогательная историческая дисциплина. Таким образом, говоря, например, «античная историография», одни сегодня подразумевают труды, написанные историками античности, другие имеют в виду труды, которые современные историки посвящают исследованию античности, а третьи обозначают этим термином труды историков наших дней, посвященные изучению наследия историков античности.

Поэтому, как нам представляется, этот термин не вполне полно отражает собственно предмет исследований и всегда будет требовать уточнений. Возможно, специалистам уже следует договориться и термином «историография» обозначать литературную историю той или иной научной проблемы. Изучение же истории исторического знания, исторической науки, исторического сознания, исторической культуры, то есть тех областей науки, которые вскрывают существенные изменения в оценке личности и социумом своего прошлого, называть однозначно «дисциплинарной историей», как это уже и принято на протяжении многих десятилетий нашими зарубежными коллегами.

В 60-е годы XX в. благодаря усилиям блестящей плеяды советских историков, к числу которых можно отнести Е.А. Косминского, О.Л. Вайнштейна, А.Д. Люблинскую, Е.В. Гутнову и многих других, были заложены основы изучения дисциплинарной истории. Благодаря именно этим ученым были систематизированы и введены в научный оборот значительные источниковые комплексы целого ряда исторических эпох. Их работы показали перспективы дальнейших научных исследований и определили базовые методологические подходы к изучению источников по истории исторического знания.

Работы М.А. Барга 1970 – 1980-х гг. открыли новую перспективу исследования истории исторического знания в новаторском, весьма актуальном и сегодня, направлении – истории исторического сознания. Михаил Абрамович вскрыл диалектику взаимодействия между сферой высоких абстракций (мировоззрения) и историографической практикой. Историю исторической науки, по его мнению, можно изучать с двух позиций – континуитета и прерывности. В первом случае, исследователь так или иначе сталкивается со значительной преемственностью фактической основы истории, во втором – речь идет о наблюдаемой время от времени смене «объяснительных схем», концептуальных структур, парадигм. Наблюдая за этим процессом, легко обнаружить определенную последовательность в смене элементов указанных структур. Процесс отставания парадигм раньше всего затрагивает нижние ступеньки иерархии исторического знания, т.е. теорий, ближе всего соприкасавшихся с общественной практикой, и затем распространялся снизу вверх, пока не достигает общемировоззренческого уровня. Анализируя античное наследие, историографию Средневековья и раннего Нового времени М.А. Бург показывает, что историческая истина, как процесс, в своем развитии проходит ряд последовательных ступеней, на каждой из которых историческое сознание определяло связь между теоретическим мышлением данной эпохи и господствующим типом историографии. В конечном счете, только каждая данная форма общественной организации будет определять, что для нее будет означать отложившееся в памяти прошлое и тем самым в какой форме оно будет представлено настоящему. Таким образом, по М.А. Баргу, историография – это форма, при помощи которой общество превращает прошлое в компонент своего собственного самосознания¹².

Смысловая перегруженность понятия «историография» вполне очевидна, и наиболее экономным решением этой проблемы могло бы стать введение термина (или терминов), призванных взять на себя часть этой нагрузки. В качестве одного из таких «разгрузочных» терминов можно использовать понятие «историописание», уже прописанное в научной литературе, но имеющее до сих пор довольно сомнительный статус.

Прежде всего, отметим, что нет ни одного четкого определения того, что такое «историописание» ни в одном русскоязычном источнике. Слова «историописания» нет ни в одном современном словаре русского языка, а те исследователи, которые им пользуются, обычно избегают (осознанно или нет) прямых определений. В целом, создается впечатление, что появление понятия «историописания» было вызвано как раз необходимостью по тем или иным причинам избежать использования слова «историографии» либо подобрать к нему какой-то синоним¹³. Так, в известной монографии О.Л. Вайнштейна «Историография средних веков в связи с развитием исторической мысли от начала средних веков до наших дней» мы встречаем противопоставление «гуманистической историографии» и «феодално-церковного историописания»¹⁴. В дальнейшем (в 1960–1980-е гг.) понятием «историописание» особенно часто пользовались китайцы и специалисты по истории других стран Азии, видимо, стремясь подчеркнуть определенное своеобразие предмета своих исследований, его отличие от европейской модели¹⁵. К 90-м годам прошлого века слово «историописание» стало уже вполне обычным для отечественных исследований по истории, одна-

¹² Бург М.А. Эпохи и идеи. Становление историзма. М., 1987.

¹³ Мереминский С.Г. Понятие «историописание», его содержание и границы // Терминология исторической науки. Историописание / Сб. науч. статей. Отв. ред. М.С. Бобкова, С.Г. Мереминский. М., 2010. С. 8-21.

¹⁴ Вайнштейн О.Л. Историография средних веков в связи с развитием исторической мысли от начала средних веков до наших дней. М.; Л., 1940. С. 93.

¹⁵ См. например: Смолин Г.Я. Антифеодалные восстания в Китае второй половины X – первой четверти XII в. М., 1974. С. 18-21; Доронин Б.Г. Организация государственного историописания в Китае в XVII – XVIII вв. // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки. Вып. 9. Л., 1986. С. 98-127.

ко примечательно, что долгое время оно практически не встречалось в наиболее «публичной» и заметной части трудов – их заглавиях. Характерный пример – очень интересная монография А.А. Севастьяновой, посвященная историческим сочинениям, создававшимся в русской провинции во 2-й половине XVIII в. Понятие «историописание» на страницах этой книги фигурирует неоднократно, в т.ч. и в названиях глав, однако сама работа все же озаглавлена «Русская провинциальная историография 2-й половины 18 века»¹⁶.

Чаще всего слово «историописание» употребляется в чисто стилистических целях, обычно – как синоним слова «историография» (в самых разных ее значениях), и не несет самостоятельной смысловой нагрузки. В прочих случаях можно с большой долей условности выделить три группы значений:

1. Историописание как процесс «писания истории» вообще (в любой форме), т.е. создания исторических текстов. Но из этого немедленно следует вопрос – что такое исторические тексты?

2. Историописание как совокупность исторических текстов, созданных в определенную эпоху и/или на определенной территории. Здесь возникает тот же уточняющий вопрос, что и в предыдущем пункте.

3. Историописание как «писание» истории в противовес историческому исследованию, основанному на научном анализе. Тем самым историописание явно или неявно противопоставляется исторической науке (или, как предпочитают говорить некоторые исследователи, историологии¹⁷). В довершение пуганицы, в некоторых работах эта более «научная» альтернатива историописанию обозначается как историография. Так, А.Г. Тартаковский в свое время предложил называть историописанием «промежуточный, смешанный тип исторического повествования», сочетающий «качества традиционного исторического сочинения с мемуарно-личностным»¹⁸.

Такой разброс точек зрения едва ли можно считать нормальным. По справедливому замечанию И.П. Вейнберга, «если одно и то же явление именуется «историей» и «историографией», «историческим интересом» и «идеей истории», «историописанием» и т.д., то такое терминологическое многоголосие порождает дополнительные «шумы» в без того перегруженных коммуникационных каналах современного человека. Кроме того, терминологическая пестрота, вероятно, свидетельствует о нечеткости, неопределенности в понимании самого обозначаемого явления. Поэтому уточнение категориального аппарата, терминологическая ясность и точность являются важными предпосылками не только для определения предмета разговора, но также для того, чтобы разговор состоялся»¹⁹. Соответственно, если мы хотим использовать в своей «творческой лаборатории» понятие «историописание» (а тенденции последних лет достаточно явно указывают на наличие такого желания в сообществе историков), имеет смысл попробовать точнее определить его и отграничить от других родственных терминов. При этом мы отдаем себе отчет в том, что тот или иной термин может стать работающим, актуальным лишь при условии достижения консенсуса значительной частью сообщества профессиональных историков. Причем такой консенсус, как правило, не определяется формально-административными методами, а вытекает из самой «культурной практики» исторических исследований. Хочется верить, что понятие «историописание» со временем станет эффективным инструментом в арсенале российских (и не только) историков, но даже если этого не произой-

¹⁶ Севастьянова А.А. Русская провинциальная историография второй половины XVIII века. М., 1998.

¹⁷ См. например, Семенов Ю.И. Философия истории. М., 2003. С. 3.

¹⁸ Тартаковский А.Г. Русская мемуаристика XVIII – 1-й половины XIX вв. М., 1991. С. 40.

¹⁹ Вейнберг И.П. Рождение истории. Историческая мысль на Ближнем Востоке середины I тысячелетия до н.э. М., 1993. С. 9.

дет, рефлексия по его поводу, думается, будет способствовать более плодотворной разработке проблем, связанных с изучением истории исторического знания.

TERMINOLOGICAL TOOLKITS OF HISTORICAL STUDIES: TOWARDS THE PROBLEM DEFINITION

M.S. BOBKOVA

*Institute of General History,
Russian Academy of Sciences*

e-mail: bobkova_marina@list.ru

The author analyzes a contemporary state of the historical studies and raises a question concerning its conceptual framework. The article attempts to identify the essential criteria of "a notionality" and "a termhood" in the historical knowledge, and suggests some ideas concerning a nature of present-day historical concepts. The main focus is on the notion of the "historical writing" and its relationship towards a common professional term "historiography".

Key words: historical term, notions in historical studies, professional communication, information medium, historiography, historical writing.